

ЧУЖОЙ КЛАД,
ИЛИ
ОЗЕРО СТРАХА

Глава первая

Встреча в лесу

Солнце, вынырнув из-за облака, засияло сквозь кроны деревьев, бросило причудливые тени на траву лесной поляны, еще сырую после недавнего дождя. Начинался июнь, и лес манил той удивительно свежей и нарядной зеленью, какая бывает лишь на заре лета.

Анастасию не пугал лес. Здесь, в окрестностях Глухова, он был не настолько обширным и дремучим, чтобы в нем можно было всерьез заблудиться или нарваться на хищного зверя. Впрочем, в случае крайней опасности девушка могла воспользоваться пистолетом, из которого ее научил стрелять еще покойный отец. Казацкая дочь Анастасия Криничная вообще не чуждалась ратных премудростей, — хотя всякий, кто взглянул бы на ее хрупкую фигурку, ни за что бы о том не догадался. Трудно было поверить, что эта девушка с тоненькой талией, лебединой шеей и кошачьей грацией движений способна к скачке на резвой лошади или меткому выстрелу с расстояния двадцати шагов. Правда, в живую мишень ей пока не доводилось стрелять, но Настя сама себя уверяла, что если будет в том необходимость, то сможет, не оплошает.

Хоть лес и был невелик, девушка скоро поняла, что, кажется, немного заблудилась. Можно было аукнуть, позвать своих спутников, однако Настя решила пока этого не делать, а самостоятельно найти тропинку к лесному озеру, от которого уже легко было добраться до окрестностей Глухова.

Сия вылазка в лес была предпринята Анастасией совместно с ее новой подругой Ольгой, Ольгиным женихом Тарасом

и его дядей — пожилым казаком Саввой, для того чтобы отыскать легкомысленную девицу Раину, ушедшую вечером на свидание с неким «гарным хлопцем», да так и не вернувшуюся утром домой.

Настя, Ольга и Раина не были связаны между собой родственными узами, их семьи не принадлежали к одному сословию, и познакомились девушки недавно, полмесяца назад, когда разными путями и по разным причинам оказались в Глухове — новой столице, где уже более пяти лет располагалась резиденция его ясновельможности гетмана обеих сторон Днепра и Войск Запорожских, президента Академии наук, подполковника лейб-гвардии Измайловского полка графа Кирилла Разумовского, старший брат которого, Алексей, был необъявленным супругом императрицы Елизаветы Петровны.

Через пятнадцать лет после смерти Даниила Апостола, бывшего гетманом еще в мрачные времена Анны Иоанновны и Бирона, Елизавета Петровна своим указом положила конец периоду межгетманства, и верховным правителем Украины стал юноша из простой казацкой семьи, волею судеб получивший и власть, и блестящее образование.

Гетман Разумовский не был похож на предшественников, носивших этот титул. Выучившись в Европе, привыкнув к жизни петербургского высшего света, он скучал в своей гетманской столице, а уж его высокородная супруга Екатерина Нарышкина — и подавно. Потому-то, наезжая сюда по мере необходимости, Кирилл Григорьевич хотел видеть вокруг подобие пышного северного двора. Стараниями многочисленных слуг гетмана, под руководством его ментора графа Теплова, Глухов стал маленьким Петербургом. Во дворце играли оперы и французские комедии, на которые приглашался знатный люд. Корпусное офицерство Гетманщины стремительно превращалось в дворянство, шляхетство. В гетманской столице появлялись кофейни, в которых любили проводить время глуховские дворяне, одетые и причесанные теперь по парижской моде. Балы, спектакли и охоты сопровождали каждый приезд Кирилла Григорьевича в его роскошную резиденцию. Коллежский советник Теплов, игравший при молодом гетмане

важнейшую роль, сближался с местными аристократами и образованными людьми, менялся с ними книгами и старался показать себя главным лицом во всех увеселительных и просветительских кампаниях.

В начале июля ожидалось прибытие гетмана из Петербурга, и к его приезду готовилось театральное представление. Теплов распорядился, чтобы постановок было не меньше двух: итальянская опера и французская комедия. Главным исполнителем, отвечавшим за успех театрального дела, был Иван Леонтьевич Шалыгин, человек образованный, хоть и простого происхождения, но, главное — до самозабвения преданный музе театра.

Когда гетман подолгу пребывал в своей резиденции, придворная жизнь здесь кипела, одна итальянская труппа сменяла другую, во дворце играл личный оркестр Кирилла Григорьевича, а празднества, по примеру петербургских, сопровождалось фейерверками и пушечной пальбой. Но сейчас в Глухове было затишье, поскольку гетмана надолго задержали в двух северных столицах его обязанности президента Академии наук. К огорчению добросовестного Шалыгина, не имелось малейшей возможности заполучить в ближайшее время хотя бы нескольких итальянских певцов, дабы поставить оперу. Единственным итальянцем, пребывавшим сейчас при гетманском дворе, был второразрядный музыкант и капельмейстер синьор Валлоне, на которого, однако, Ивану Леонтьевичу приходилось полагаться ввиду отсутствия собственного музыкального образования.

Застигнутый врасплох поручением Теплова, Иван Шалыгин стал спешно собирать местные таланты. Впрочем, недостаток в хороших голосах не было, — недаром певчих для придворной капеллы обыкновенно везли в Петербург из Украины. Но кроме голоса и красивой внешности требовался еще актерский талант и умение держаться, — и вот с этим-то было труднее всего. Особенно намучился Шалыгин с женской половиной труппы, — ибо девушки простого звания были неграмотны и слишком стеснительны, а знатных не пускали родители, считая актерство делом непочтительным и зазорным.

Так вот, именно театральная постановка, которую готовил Шалыгин к приезду гетмана, познакомила и отчасти сдружила Анастасию, Ольгу и Раину.

Ольга была дочерью священника из небогатого прихода, человека грамотного и успевшего дать ей некоторое образование. В тринадцать лет осиротев, девушка уже пятый год жила в Глухове у тетки, женщины суровой и равнодушной к судьбе племянницы. С Шалыгиным Ольгу познакомил ее жених Тарас, который сам хорошо пел и играл на бандуре. Тарас тоже рано остался сиротой, но брат его матери, старый бобыль Савва, был, в отличие от Ольгиной тетки, человеком добрым и отзывчивым. Он воспитывал племянника с десяти лет и, заметив способности парня к музыке, привел его в церковный хор, откуда Тарас попал и в гетманский театр.

Раина была из семьи многодетных глуховских мещан. Родители жили бедно, отличались безалаберным нравом, и в доме вечно царил шум, беспорядок и толкотня. Никто и не возражал, когда смышленную и голосистую Раину выбрали для театра. Домашние едва ли задумались о пристойности актерского ремесла, но зато обрадовались, что одним ртом в доме будет меньше.

Сложней всего обстояло дело с Анастасией. Ее мать, родовитая и уважаемая вдова Татьяна Степановна, даже и подумать не могла о выступлении дочери в театре. Но Насте поспособствовали некоторые обстоятельства. Месяц назад в Кринички приехал племянник Татьяны Степановны, сын ее старшей сестры Феодосии Илья Борович со своей молодой женой Гликерией. Супруги Боровичи, живя в Глухове, пытались изо всех сил приблизиться к гетманскому дому. Илья прилично знал французский и немного — итальянский, а Гликерия была обучена пению и танцам, — и сам Теплов попросил их поддержать растущий театр «маленького Петербурга». Приехав в Кринички, Боровичи стали уговаривать кузину Анастасию выступить на сцене если не в опере (голос у Насти был приятен, но не слишком силен), так хотя бы в комедии, где петь почти не надо, зато требуется уверенно двигаться по сцене, живо и четко выговаривать реплики, иметь хорошую память

и красивую внешность, — а у Насти все это было. Впрочем, девушку и уговаривать не пришлось, она сама давно бредила театром и поэзией, читала все книжки, какие попадались ей под руку, и не хуже брата знала французский язык. Но куда трудней было убедить Татьяну Степановну. Понадобилось все красноречие дочери, племянника и Гликерии, которую вдова называла «лукавой Лукерьей», чтобы растопить лед ее сопротивления. Ей говорили о том, что при французском дворе даже очень знатные дамы почитают за удовольствие играть в трагедиях и комедиях. Но пример маркизы де Помпадур не убедил вдову Криничную. Тогда напомнили о Сухопутном шляхетском кадетском корпусе, где молодые дворяне сами ставили любительские спектакли и играли в них. Этот довод несколько поколебал вдову — ведь в кадетском корпусе учился и частенько играл в спектаклях Мишенька Херасков¹, покойный родитель которого был дальним родственником Татьяны Степановны по отцовской линии. И наконец, последним козырем явилось напоминание о том, что Алексей Григорьевич Разумовский, сам прекрасный певец, покровительствует театрам, а Елизавета Петровна во времена своей молодости пела и сочиняла песни, а сейчас собирается основать в Петербурге первый государственный театр, где играть будут не иноземцы, а свои, русские и украинские актеры.

Оглушенная тройным хором голосов, вдова сдалась и отпустила дочь в Глухов. Но перед отъездом, перекрестив ее на дорожку, все-таки не удержалась от ворчания и наставлений:

— Помни, что ты не простая казачка, а дворянского рода.

— Ах, мамочка, дворянского, боярского или шляхетского — это теперь все равно, — усмехнулась дочь и тут же процитировала Михаила Хераскова: «Не титул славу нам сплетает, не предков наших имена — одни достоинства венчают, и честь венчает нас одна».

— Господи, и откуда ты только набираешься такого... вольтерьянства, — вздохнула мать, качая головой. — Зря я тебе учителей нанимала, ох зря...

¹ М. М. Херасков — известный русский поэт и драматург XVIII века.

Долго стояла у дороги Татьяна Степановна и глядела, как коляска, запряженная двойкой резвых лошадей, увозит в неизвестность ее единственное дитя. Так уж распорядилась судьба, что никого, кроме Насти, да еще племянника Ильи, у нее на этом свете не осталось...

Отец Татьяны, молдавский боярин Стефан Фалешти, в молодые годы был среди тех, кто поднял восстание против турецкого владычества. После того как турецко-татарская армия в неравном бою разбила русские и молдавские войска под Яссами, Стефан, как и господарь Дмитрий Кантемир, как и боярин Матвей Херасков, вынужден был переселиться в Россию. После некоторых скитаний Стефан Фалешти (называвшийся уже Степаном Флештиным) осел на Полтавщине, где женился на дочери местного помещика. Здесь родились у него две девочки и сын, который в девятнадцать лет геройски погиб под Хотинном. Когда дочери выросли и пришла пора определять их замуж, старшая, Феодосия, всегда желавшая знатности и славы, выбрала себе в мужья офицера из шляхетского рода. Татьяна же всех удивила, влюбившись в казака Михайлу Криничного и настояв на замужестве с ним. Правда, Михайла был из казацкой старшины и имел соответственные права и привилегии, но, тем не менее, родные Татьяны посчитали такой брак неудачным, а Феодосия называла его французским словом «мезальянс». Как бы там ни было, но младшая дочь дворян Флештиных, обвенчавшись, переехала в мужнино поместье, которое выросло из дедовской «займанщины» и после земельных пожалований за храбрую службу представляло не такое уж малое владение. Заселена земля в Криничках была в основном «подсуседками»¹, которых Михаил не обижал, но умел строго держать в руках. В конце концов родители Татьяны, поразмышляв, смирились с ее браком и успокаивали себя тем, что казацкая старшина почти во всем приравняется к наследственному служилому дворянству.

¹ Подсуседки — крестьяне, переселявшиеся в XVII—XVIII веках из Правобережной Украины на займки («займанщины») и пустые земли левого берега. Отношение владельца к подсуседкам нормировалось договором или общей практикой.

Михаил Криничный не был казаком только по названию; он свою военную службу исполнял честно, не прячась от опасностей. Был ранен под Хотинем, а во время войны за австрийское наследство погиб, отбиваясь от вербовщиков прусского короля Фридриха.

Тогда многое сделалось неладно в жизни Татьяны Степановны. Родители ее тоже вскоре умерли, а сама она не очень-то умела управляться с крестьянами и слугами по причине своей излишней доверчивости. Впрочем, кое-как она удержала имение и постепенно научилась быть настоящей хозяйкой. Что же касается Феодосии, то в ее судьбе уже давно полосой пошли несчастья. Знатный муж оказался пьяницей и игроком, промотавшим почти все состояние, а потом погибшим в нелепой трактирной драке. Феодосии пришлось обращаться за помощью к «неблагородной» сестре, и Татьяна ей, конечно же, не отказала. Восемь лет назад Феодосия умерла, а ее сын Илья, в то время семнадцатилетний юноша, стал частенько гостить у тетки, жалуясь на недостаток собственных средств. Потом, после обучения в Переяславском коллегииуме, он познакомился с ловким человеком по фамилии Заруцкий, и тот пошел в управляющие к Илье, быстро поправил его дела, а вскоре Илья женился на дочери Заруцкого Гликерии. Теперь Илья жил не хуже, хотя и не лучше соседних с ним мелкопоместных дворян, на которых смотрел свысока, ибо они уступали ему в происхождении и образованности.

Настя любила двоюродного брата и его веселую жену, хотя подсмеивалась над их «шляхетской» спесивостью и трусоватым нравом. Вот и сегодня они строго отговаривали ее идти «на поиски какой-то оборванки», твердили, что в лесу можно встретить разбойника и бродягу. Но Настина упрямая натура была такова, что, чем больше ей запрещалось, тем меньше она слушалась.

Показалась просека, и Настя поняла, что идет совсем не в ту сторону. Далее тянулась дубовая роща, стоявшая на рубеже гетманских владений; за ней уже начинались земли кого-то из местных дворян. Вздохнув, девушка повернула обратно. Кажется, она зашла слишком далеко, и вряд ли в этих местах могла оказаться Раина.

Насте послышался отдаленный собачий лай, и она вдруг почувствовала прилив необъяснимого страха. Почему-то подумалось о волках. Настя не была местной жительницей и не знала, можно ли встретить серого хищника в здешнем лесу; говорили, что их тут нет, но вдруг?.. Девушка невольно нащупала рукоять пистолета, висевшего у нее на поясе.

Торопливыми шагами пробираясь по лесной тропинке, Настя огляделась по сторонам, — и внезапно ей показалось, что между деревьями мелькнула человеческая фигура. Стараясь заглушить тревогу и невольный страх, девушка почти бегом устремилась на поляну и решительным голосом позвала:

— Ау! Раина, ты здесь?

В следующий миг из зарослей на поляну с громким лаем выбежала крупная собака и понеслась прямо на Настю. Девушка быстро отступила за ствол толстого дерева. Но тут собаку окликнул хозяин и, удерживая ее за поводок, сам пошел навстречу Насте. Спрятав руку с зажатым в ней пистолетом за спину, девушка на один шаг отступила от дерева и велела незнакомцу:

— Не подходите ко мне, стойте на месте!

Он остановился и окинул ее насмешливым взглядом. В первый момент она даже не разглядела его лица, заметила только, что мужчина молод и одет в охотничий костюм. За плечом у него был карабин, за поясом — нож.

— А я еще не верил в существование лесных фей, — усмехнулся он, продолжая разглядывать Настю с откровенным интересом. — Это ты сбила меня с пути, прелестная нимфа?

Бесцеремонный незнакомец, видимо, принял ее за поселянку. Настя ответила довольно резко:

— Если я нимфа, то вы, должно быть, сатир!

— Сатир? Ха-ха! — Незнакомец рассмеялся, слегка запрокинув голову. — Неужто я так похож на рогатое существо с хвостом? Нет, право, я еще не успел обзавестись рогами, поскольку не имею жены. Но твои слова наводят меня на мысль, что ты... вы образованная девушка. Простите, сударыня, за мое непочтительное обращение. — Он слегка поклонился. — Но, ей-богу, ваш пасторальный наряд... и эти пятнистые волосы... могли кого угодно сбить с толку.

Тут Настя вспомнила, что отправилась в лес прямо с репетиции французской комедии, в которой она изображала пастушку, облачившись в соответственный наряд. А пудра на ее черных волосах не могла, конечно, не осыпаться, когда Настя пробиралась через заросли и ветки задевали ей прическу. Чувствуя невольную досаду и смущение, она в то же время успела заметить, что у незнакомца волосы не напудрены и не завиты в крутые локоны, как у знатных модников, а спадают на плечи густыми и слегка волнистыми прядями пшеничного цвета. Синие глаза его насмешливо блестели из-под темных ресниц, и Насте стоило большого труда выдержать этот взгляд, показавшийся ей дерзким и раздевающим. Незнакомец преграждал путь к нужной тропинке, которая, как рассчитывала Настя, могла привести ее к озеру, и девушка заявила решительным тоном:

— Кем бы я вам ни показалась, прошу освободить мне дорогу. И придержите свою собаку.

Но незнакомец не посторонился ни на шаг, а, прижав руку к груди, сказал:

— Простите, сударыня, я человек приезжий и не знаю здешних мест. И кажется, заблудился в этом заколдованном лесу. Может, вы меня выведете на дорогу?

— Не думаю, что нам по пути, — заявила Настя, мысленно примеряясь, с какой бы стороны обойти странного незнакомца. — Вы, наверное, гостите у здешних помещиков, а я... — Она запнулась, не зная, следует ли что-то рассказывать о себе.

— А вы? — подхватил любопытный собеседник. — Кто эта пастушка, которая изъясняется, как фрейлина? Почему вы ходите по лесу одна? А вдруг бы на моем месте оказался разбойник и насильник?

— Если вы сейчас же меня не пропустите, то я покажу вам, что совсем не фрейлина! — нервно воскликнула Анастасия, оглядываясь по сторонам. — Притом я не одна, здесь близко мои друзья!

Незнакомец бросил взгляд в сторону зарослей и передернул висевший за плечом карабин. Девушке почудилась угроза в его жесте, и она тут же вытащила из-за спины пистолет

и направила его на охотника. Мужчина удивленно присвистнул и покачал головой. Увидев, что он даже не подумал испугаться, Анастасия совсем уж потеряла самообладание и закричала, надеясь привлечь внимание своих отдалившихся спутников:

— Уйди с дороги, разбойник, не то выстрелю!

— Да ты фурия! — сказал незнакомец с наигранным возмущением и потрепал по загривку свою ошетилившуюся собаку. — Вот только как ты успеешь уложить одним выстрелом и меня, и моего верного Пирата? Кто-то из нас двоих обязательно останется жив и отомстит тебе, лесное чудовище. Ладно уж, иди своей дорогой, ведьма с бархатными черными глазами.

Он сложил руки на груди и, подчеркнуто отвернувшись от Насти, удалился на несколько шагов в сторону. Она, не опуская пистолета, выбралась на тропинку и устремилась прочь от опасного места. И вдруг за ее спиной раздался выстрел и прямо перед ней упала на землю крупная сосновая шишка. От неожиданности девушка вскрикнула и невольно оглянулась. Незнакомец стоял посреди поляны и смотрел вслед Анастасии. Солнечный луч подсвечивал его пшеничные волосы, играл на вороненой стали карабина.

— Это салют в твою честь, дикарка! — объявил он громко, и Настя издали заметила, как блеснули в улыбке его белые зубы.

Он опять смеялся над ней, и это было обидно. Девушка постаралась ответить достойно и тоже с насмешкой:

— Хороший охотник не тратит пули на сбивание шишек.

Собака вдруг громко залаяла и помешала Насте слышать ответную реплику незнакомца. Девушка стремительно понеслась вперед, надеясь избежать дальнейших неожиданностей. Удалившись на порядочное расстояние, она отдышалась и стала осторожно осматриваться по сторонам. Кажется, погони не было, нахальный незнакомец от нее отстал, и Настя вздохнула с облегчением. Определив, что лесное озеро должно быть слева, она направилась туда. Шаги ее были уверенными, но в голове царил сплошной сумбур, какая-то мешани-

на из тревоги, страха, волнения и совершенно непонятной радости. Почему-то перед мысленным взором вдруг ясно обрисовалось лицо только что встреченного мужчины. Препираясь с ним, она даже толком не рассмотрела, каков он из себя, теперь же вдруг отчетливо осознала, что, пожалуй, его можно назвать привлекательным. Он представлял собой тип суровой северной красоты — высокий, плечистый, светловолосый, с мужественным лицом и синими глазами. Именно такими Настя представляла древних варягов.

Интересно, кто он и откуда? Явно не простолюдин и, судя по разговору, человек образованный. Наверное, приехал в гости к кому-то из здешних помещиков. Но что-то опасное было в его взгляде и в насмешливой повадке, что-то такое, от чего всегда находчивая Настя терялась. «Станный, подозрительный, наглый человек, и не надо больше о нем думать», — мысленно приказала она самой себе.

Впрочем, ее размышления о таинственном охотнике продолжились недолго, потому что вдруг со стороны озера послышались знакомые голоса, зовущие ее по имени. Девушка встрепенулась и бросилась на зов, радуясь, что наконец-то нашла своих спутников.

Между деревьями блеснула водная гладь, и скоро Настя уже была на берегу тихого лесного озера, заросшего лилиями и кувшинками. Навстречу ей выбежала Ольга, лицо которой напоминало маску испуга.

— Настуня! Слава Богу, хоть с тобой ничего не случилось! — воскликнула Ольга, обнимая подругу. — Говорила ж я тебе, чтоб не отставала от нас, не искала в одиночку. Видишь, к этому озеру девушкам нельзя и близко подходить...

Ольга в голос зарыдала, а Настя, глянув ей через плечо, увидела на берегу Савву и Тараса, склонившихся над чьим-то телом. Бросившись к ним, она с ужасом убедилась в страшной догадке: на земле лежала бездыханная Раина в изорванной одежде, покрытой пятнами запекшейся крови.

— Горло перерезано, — мрачно сказал пожилой казак Савва и почесал затылок. — Ох, не надо было ей в актерки идти. Пока жила в своей убогой хате, никто ее не трогал. А теперь

нашелся какой-то леший. Эх, и родители-то ее непутевые, небось, не сильно о ней пожалеют... Вот небога-то...

— А может... ее загрызла озерная девка... — робко предположила Ольга, стараясь не глядеть на окровавленное тело Раины. — Ведь Ивана Купала приближается, утопленница скушает...

— Полно тебе бабьи сказки повторять, — строго сказала Настя, хотя у самой пробежал по телу холодок суеверного страха.

У лесного озера была таинственная и мрачная легенда. Местные старухи рассказывали, что когда-то в этом озере утопилась девушка, которую обесчестил один богатый барин. Случилось это во время игрищ на Ивана Купала: своенравная, взбалмошная девушка отстала от своих подруг, и насильник затянул ее в кусты на берег озера. С тех пор прошло уж много лет, но каждый год, как приближается день Купалы, несчастная девица по ночам выходит из озера и ищет себе подружек, без которых ей скучно. И беда той девушке, которая в эти вечера забредет к озеру. В иные годы, бывало, пропадали они неведомо куда, а потом люди видели по ночам на берегу не одну, а двух, трех, а то и больше девиц.

Услышав эти «бабьи сказки», Настя рассмеялась: «Ну, если утопленница каждый год затягивает хотя бы по одной подруге, так в озере, должно быть, уже образовался целый женский монастырь».

Но, как ни защищалась Настя насмешками от безотчетного страха, а все же и ей стало не по себе на берегу зловещего озера.

— Правда, Олю, не верь всяким дурным старухам, — сказал Тарас, обнимая невесту. — Я вот думаю, что какой-то недобрый человек заманил Раину в лес, насильничал, а потом и убил.

— Мы того не знаем, насильничал иль нет, — заметил Савва. — А я вот еще думаю, не мог ли ее порешить тот юродивый, что у попа живет? Он недавно грозился, когда мимо гетманского парка проходил. Кричал, что покончит с бесовскими игрищами... актерок называл блудницами вавилонскими...

Все приумолкли, вспомнив полусумасшедшего церковного служку Юхима, который и в самом деле не раз потрясал кула-

ком в сторону театра. Впрочем, трудно было поверить в серьезность его угроз.

И вдруг Настя подумала о незнакомце из леса. Почему-то разом всплыли в памяти и его раздевающие глаза, и карабин за плечом, и нож у пояса, и клыки его собаки... Недолго думая, девушка заявила:

— Я встретила в лесу одного подозрительного человека! Вдруг это он убил Раину? Если бы у меня не было с собой пистолета, то, кто знает... может, и я бы... — Настя замолчала, представив свою страшную участь.

— И где он, далеко? — забеспокоился Савва. — Кажется, вон с той стороны мы слышали выстрел. Уж не он ли стрелял?

— Да, он, — подтвердила Настя. — Хотел показать мне свою меткость. А может, просто пугал.

— Тогда скорей надо отсюда выбираться, — заявил Тарас. — Мало ли какие злодеи бродят по лесу. Давай, дядя Савва, положим Раину на мою свитку и понесем.

— Дорога тут рядом, попросимся на какой-нибудь воз, да и доведем небогу до места, — вздохнул Савва.

Пока шли, Ольга шепотом расспрашивала подругу о таинственном незнакомце, но Настя только пожимала плечами и отвечала одно и то же:

— Очень подозрительный и опасный человек. Такой вполне мог заманить девушку.